

Ю. А. Афанасьева
ОРИЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ
В ПОВЕСТИ-СКАЗКЕ «ВАТЕК» У. БЕКФОРДА
И РОМАНЕ «АРАБСКИЙ КОШМАР» Р. ИРВИНА

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
5902053@mail.ru;
науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доц.*

В статье в качестве примера развивающегося межкультурного взаимодействия представлен компаративный анализ ориентальных мотивов в повести-сказке У. Бекфорда «Ватек» и романе Р. Ирвина «Арабский кошмар». При сопоставлении произведений, иллюстрирующих предромантическое и постмодернистское отношение к Востоку в литературе, были выявлены как схожие, так и различные мотивы, восходящие к ориентальной культуре. У. Бекфорд создает «Ватек» как сказку из «Тысячи и одной ночи», очерчивая моральную сторону фаустианского вопроса о всезнании. Р. Ирвин усложняет характерную атрибутику, хронотоп, нарративную стратегию, что подтверждает дальнейшее развитие интереса к Востоку и актуальность ориентальной тематики в современной литературе.

Ключевые слова: готический роман; ориентализм; Восток; компаративный анализ; межкультурная коммуникация; мотив дороги; мотив сна; магический реализм; нарратор; ориентальная манера повествования.

С античности западный мир активно накапливал знания о Востоке, сразу обозначив его как свою «великую противоположность». Через крестовые походы и войны до европейцев доходил воспринятый через христианскую парадигму страшный, грешный образ мусульман. В Средние века Мохаммед ассоциировался с распространителем ложной веры, в эпоху Ренессанса Восток продолжал быть «чужаком» для Европы. В период Просвещения подобное отношение к Востоку пересматривается. Восточные страны из-за колониальной экспансии «подчинились» европейскому мировидению, считались неопасными и несовершенными. Тогда же «ориентализм» возникает как дисциплина, направленная на изучение Востока в «трактовке» Запада. До настоящего времени такой подход критикуется – достаточно вспомнить, какой специфический взгляд на ориентализм в постколониальном дискурсе предложил Э. Саид [4].

К началу XVIII века Восток уже представлял собой особый интерес для Европы. Массовый характер этому увлечению придал французский перевод сказок «The Arabian Nights», сделанный А. Галанном в 1704–1707 гг.

В 1721 г. появились «Персидские письма» Ш. Монтескье, позже – «восточные» повести Вольтера, произведения Т. Смоллета (*The Adventures of Ferdinand, Count Fathom* (1753)), С. Джонсона (*The History of Rasselas, Prince of Abissinia* (1759)), О. Голдсмита (*The Citizen of the World, or, Letters from a Chinese Philosopher* (1762)). Английские писатели не только отражали особенности художественного мышления своего века, но и строили связь с последующим романтизмом. Одной из его предтеч является философская повесть-сказка «Ватек» (фр. *Vathek*), «the bizarre masterpiece of William Beckford, which holds among all the oriental tales of the century a unique and deservedly high place» [1, с. 61–62].

«Ватек» написан в 1782 г. на французском языке, но на английском, без указания имени автора опубликован только в 1786 г. Изначально повесть обозначалась как «an arabian tale», перевод с арабского языка жизнеописания халифа Ватека. Овеянная «флером мистификации», рукопись, откуда был взят материал, не указывалась. Повесть имеет сказочное начало: волшебные существа в ней функционируют как действующие лица, помогают либо мешают людям, которые их призывают в свой мир с помощью колдовства. Для создания атмосферы Востока У. Бекфорд использует восточные имена, специфические топосы, характерную атрибутику, поднимает универсальные вопросы, связанные в повести с восточной религией, философией, культурой.

Ватек является главным героем повести. Он – правитель страны, истинный халиф. В гаремах его дворца поют персидские песни и насмеваются над евнухами, пируют и совещаются. Фигура Ватека не только «традиционно восточная». Увлеченный тайными науками и астрологией, он одержим жаждой запретных знаний: «for he was, of all men, the most curious» [2, с. 9]. Условия, согласно которым Гяур даст Ватеку желаемое, толкают правителя на деспотизм, убийство детей, соблазнение женщин. Фаустианские мотивы повести позволяют говорить о синтезе культуры Востока с культурой Запада, что можно трактовать как черту Просветительства в «Ватеке».

Мать Ватека, царица Каратис, – это «другой», мрачный Восток. «Нечистая» с точки зрения мусульманства, она очень умна: «for the Caliph not only loved her as a mother but respected her as a person of superior genius. It was she who had induced him, being a Greek herself, to adopt all the sciences and systems of her country, which good Mussulmans hold in such thorough abhorrence» [2, с. 16]. У Каратис ужасающая свита, в башне сына она тайно занимается астрологией, черной магией. Мрачный восточный колорит связан с изображениями

Иблиса, Индийца (Гяура), душами тех, кто лишился сердца в Залах Принца Ада. С другой стороны, традиционная восточная красота и мудрость представлены фигурами Сулеймана бен Дауда, Нурониар, эмира Факреддина, Гюльхенруза.

Действие повести происходит в Вавилонии, в условном прошлом. Создана мозаика из топосов: города Самарры, дворцов и башни халифа Ватека, дворца эмира Факреддина, долины Рохнабада и дворца подземного пламени в Истахаре. Каждый из пяти дворцов Ватека символизирует не только богатство Востока, но и определенную человеческую страсть. Башня – олицетворение пагубной жажды знаний. Дворец эмира – прекрасное место, но позже алтарь для жертвоприношений Гяуру, похищения Нурониар. В долине Рохнабада пересекаются традиционный и мрачный Восток, мотив дороги смешивается со зловещими знаками, мотивом лабиринта. Дворец подземного пламени в Истахаре несет неминуемую расплату за неверие в Аллаха. Там будут вечно скитаться герои-грешники, как и предупреждал героев один из духов: «Strangers! who doubtless are in the same state of suspense as ourselves, as you do not yet bear your hand on your heart... We will trace back our crimes to their source, though we are not permitted to repent. This is the only employment suited to wretches like us» [2, с. 146].

Интерес к ориентальной тематике со временем только набирал силу. Результатом развития коммуникации между Западом и странами арабского мира стало создание литературы, еще глубже воспринявшей ориентальную культуру. Таким по праву можно считать роман Р. Ирвина – «Арабский кошмар» (англ. *The Arabian Nightmare*, 1983). Роман создан в русле «магического реализма». В нем двойственность реальности отображается в элементах национального, исторического и духовного опыта. Ориентальная тематика здесь тесно сплелась с множественностью интерпретаций, структурной сложностью. Акцент сделан на магическую сторону Востока, его «потусторонность».

Как и У. Бекфорд почти два столетия назад, Р. Ирвин использует восточные имена, топосы и атрибутику. Главный герой, Бэльян из Нориджа, – английский шпион, посланный в Каир для добычи секретных сведений. Он не является представителем восточного мира, но неизбежно имеет контакты с его жителями. Среди них: Кошачий Отец, Джанкрисофоро, Майкл Вейн, Зулейка, Фатима, Грязный Йолл, Кайтбэй, полудухи Шикк и Саатих и т. д. В ряде перечисленных имен заметна мультинациональность населения Каира, слияние в нем Востока и Запада. Обстоятельства, при которых персонажи оказались либо в

родстве, либо имели тесные контакты, кажутся случайными, но на самом деле связаны между собой, созависимы. История каждого героя покрыта тайной, не рассказана до конца. К концу романа раскрываются некоторые подробности: оказывается, что Кошачий Отец является отцом Зулейки, а Фатима – плодом фантазии Зулейки, оживленным ее фантазией. Все персонажи образуют коммуникационную сеть-лабиринт. «Магическая» тема Востока сопряжена с фигурами лунатика-канатоходца, Карагоза, факиров с улиц и т. д. С этими героями связаны мотивы игры, тайны, недосказанности.

Мотив сна, характерный для арабской литературы, проявляется в уверенности героя в заболевании «арабским кошмаром», не позволяющим человеку проснуться в реальности, задерживая его на периферии снов. Через него трактуется Каир и зеркальный ему Алям аль-Миталь, аналог европейского царства Морфея. Мотив дороги в романе связан с неспособностью героя покинуть город, дезориентацией в его лабиринте. Жители боятся, что у них тоже есть эта болезнь, – создается ощущение повторения, состояния измененного сознания. Так реализован мотив опустошения. Мотив тайны сопряжен с внушением, созданием снадобий для усыпления людей.

Действие в романе происходит 18 июня 1486 года в Египте, в Каире. Это единственная дата, которая определена точно. Один из драгоманов так описывает город: «Cairo – that is, Babylon, the Great Whore, the many-gated city, from out of which the armies of Mohamedanism ride out to bring pestilence and the sword to Christian lands. <...> It is an evil city, in the Devil's power and powerful with the Devil's might, for many are gone down into Egypt and not come back» [3]. Бэльян въезжает в город в составе каравана. Далее следуют лишь сны главного героя, смешанные с реальностью, ощущение времени теряется. Топосы составлены по типу коллажа – герой засыпает в одном месте и просыпается в другом, не помня, что происходило ранее. Путаные дороги, отсутствие возможности выйти усиливают ощущение нереальности.

Нарративы двух произведений могут быть рассмотрены в связи с ориентальной манерой повествования. В отличие от гетеродиегетического нарратора повести-сказки У. Бекфорда, в романе Р. Ирвина функционирует гомодиегетический нарратор – Грязный Йолл. Каждая глава сопровождается вступлением от его лица: герой рассказывает туристам о городе как путеводитель. Только после этого Йолл говорит о Бэльяне. В одной из последних глав сказитель задушен, но продолжает рассказывать о событиях после собственной смерти. Ненадежность нарратора добавляет новый слой недосказанности к

сюжету. Рассказчик путает нас, используя рамочную конструкцию, – в романе присутствует вставная повесть (история о говорящей обезьяне), в которую вставлены еще повести («Об Иблисе и Христианине», «Рассказ о том, как два карлика сокровище искали»). Такой способ повествования восходит к сказкам «Тысячи и одной ночи».

Ориентальные мотивы активно функционируют как в период развития предромантизма, так и функционирования постмодернизма. Если у У. Бекфорд в «Ватехе» в малой форме показывает красоту Востока, наделяя сюжет философской мыслью о пагубности желаний, то Р. Ирвин в романе «Арабский кошмар» усложняет образы и атрибутику, использует более запутанные практики, связанные с Востоком. Это и является подтверждением актуальности ориентальной тематики у англоязычных писателей.

Библиографические ссылки

1. *Beckford W.* Vathek, an Arabian Tale. URL: <http://gutenberg.org/files/42401/42401-h/42401-h.htm> (date of access: 18.04.2020).
2. *Conant M. P.* The oriental tale in England in the eighteenth century. New York : The Columbia Univ. Press, 1908.
3. *Irwin R.* The Arabian Nightmare. URL: <https://ru.scribd.com/read/410052943/The-Arabian-Nightmare-A-Novel> (date of access: 18.04.2020).
4. *Said E. W.* Orientalism. New York : Pantheon, 1978.